

DOI: 10.31857/S013038640028926-6

© 2023 г. П.П. ЧЕРКАСОВ

РОЖДЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ ВО ФРАНЦИИ ГЛАЗАМИ РУССКОГО ДИПЛОМАТА (сентябрь 1870 года – май 1871 года)

Черкасов Петр Петрович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: ptch46@mail.ru

Scopus Author ID: 12138974400; ORCID: 0000-0003-3723-1657; Researcher ID: G-2170-2018

Аннотация. Официальный Санкт-Петербург был хорошо осведомлен о развитии ситуации во Франции, которая привела к падению Второй империи и провозглашению 4 сентября 1870 г. Третьей республики. Основным источником такой информации для императора Александра II и канцлера А.М. Горчакова был Григорий Николаевич Окунев, временный поверенный в делах России во Франции. Ему довелось быть свидетелем двух важнейших исторических событий – падения Второй империи и рождения Третьей республики. Его обширная корреспонденция из Парижа, а затем из Бордо, Тура и Версаля, куда вынуждено было перемещаться республиканское правительство, легла в основу настоящего исследования. До сих пор этот ценный источник не привлекал заслуженного внимания специалистов по истории Франции и франко-русских отношений. Между тем депеши и телеграммы Окунева, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, представляют большой интерес. Речь идет о свидетельствах очевидца, который по горячим следам пытался осмыслить процесс становления Третьей республики. Информация Окунева в определенной степени влияла на выработку отношения Российской империи к молодой Французской республике. Хронологические рамки статьи охватывают период от Революции 4 сентября 1870 г. до избрания Национального собрания, формирования правительства А. Тьера (февраль 1871 г.) и последующего заключения Франкфуртского мира (10 мая 1871 г.), который завершил франко-германскую войну. В статье анализируется взгляд российской дипломатии на революцию 4 сентября 1871 г. и рождение Третьей республики во Франции, объясняются причины, по которым официальный Санкт-Петербург признал Французскую республику, хотя и не был уверен в ее устойчивости.

Ключевые слова: Россия, Франция, Г.Н. Окунев, Вторая империя, Франко-прусская война, Революция 4 сентября 1870 г., Третья республика, Национальное собрание, Александр II, А.М. Горчаков, А. Тьер, Ж. Фавр.

P.P. Cherkasov

The Birth of the Third Republic in France Through the Eyes of a Russian Diplomat, September 1870 – May 1871

Peter Cherkasov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: pch46@mail.ru

Scopus Author ID: 12138974400; ORCID: 0000-0003-3723-1657; Researcher ID: G-2170-2018

Abstract. St. Petersburg was well aware of the development of the situation in France, which led to the fall of the Second Empire and the proclamation of the Third Republic on 4 September 1870. The main source of such information for Emperor Alexander II and Chancellor Gorchakov was Grigory Nikolaevich Okunev, Russia's chargé d'affaires in France. His extensive correspondence from Paris and then from Bordeaux, Tours, and Versailles, whither the republican government was forced to move, formed the basis for this study. To date, this valuable source has not attracted the much-deserved attention of scholars of French history and Franco-Russian relations. Meanwhile, Okunev's dispatches and telegrams preserved in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (Moscow) are of considerable interest. He was an immediate eyewitness who tried to comprehend the process of formation of the Third Republic. Okunev's information to a certain extent influenced the formulation of the Russian Empire's approach to the young French Republic. The chronological framework of the article covers the period from the revolution of 4 September 1870 to the elections to the National Assembly, the formation of the government of Adolphe Thiers (February 1871), and the subsequent conclusion of the Treaty of Frankfurt (10 May 1871), which ended the Franco-Prussian War. The author analyses the Russian diplomacy's view of the revolution of 4 September 1871 and the birth of the Third Republic in France. He explains the reasons behind St. Petersburg's recognition of the French Republic, even though he was doubtful as to its stability.

Keywords: Russia, France, Grigory Okunev, Second Empire, Franco-Prussian War, Revolution of 4 September 1870, Third Republic, National Assembly, Alexander II, Alexander Gorchakov, Adolphe Thiers, Jules Favre.

Крушение Второй империи и провозглашение во Франции республиканского строя в сентябре 1870 г.¹ не стало большой неожиданностью для Александра II и князя А.М. Горчакова, руководителя его дипломатии. Оба они никогда не верили в устойчивость эклектичного по природе бонапартистского режима, который, по их мнению, стал опасно заигрывать с парламентаризмом, либералами, демократами и даже социалистами. Но что стало для них подлинным сюрпризом, так это вскрывшаяся беспомощность считавшейся высокобоеспособной французской армии, терпевшей одно поражение за другим в легкомысленно начатой Наполеоном III 19 июля 1870 г. войне с Пруссией².

¹ Причины и обстоятельства падения Второй империи детально исследованы в исторической литературе, например: *Ollivier É. L'Empire libéral. Vol. 1–17. Paris, 1895–1916; Желубовская Э.А. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции М., 1956; Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 17. М., 1960; Miquel P. Le Second Empire. Paris, 1992; Dictionnaire du Second Empire / sous la dir. de J. Tulard. Paris, 1995; Anceau É. Comprendre le Second Empire. Paris, 1999; Смирнов Ю.А. Империя Наполеона III. М., 2003; *Vivrière-Ostells W. Napoléon III et le second Empire. Paris, 2004; Yon J.-C. Le Second Empire. Politique, Société, Culture. Paris, 2009.**

² О Франко-прусской войне 1870–1871 гг. подробнее см.: *Guérin A. La folle guerre de 1870. Paris, 1970; Шнейерсон Л.М. Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-прусских и русско-французских отношений в 1867–1871 гг. Минск, 1976; Audoin-Rousseau S. 1870. La France dans la guerre. Paris, 1989; Roth F. La guerre de 1870. Paris, 1990.*

В этом смысле очередная, четвертая по счету, французская революция 4 сентября 1870 г.³, ставшая реакцией на капитуляцию в Седане 100-тысячной армии во главе с Наполеоном III, не застала врасплох официальный Санкт-Петербург, который был хорошо осведомлен о развитии событий не только на театре военных действий, но и в самой столице Франции.

Основным источником такой информации был статский советник Г. Н. Окунев, временный поверенный в делах России. Ему довелось стать свидетелем двух важнейших исторических событий — падения Второй империи и рождения Третьей республики. Его обширная корреспонденция из Парижа, а впоследствии из Бордо, Тура и Версаля, куда в силу обстоятельств вынуждено было переместиться республиканское правительство, легла в основу настоящего исследования. Дешепши и аналитические записки Окунева представляют большой интерес как живые свидетельства непосредственного очевидца, пытавшегося осмыслить происходивший на его глазах процесс становления Третьей республики. Поступавшая от него информация в определенной степени влияла на выработку отношения официального Санкт-Петербурга к молодой Французской республике.

Хронологические рамки статьи охватывают период от Революции 4 сентября 1870 г. до избрания Национального собрания, формирования правительства А. Тьера (февраль 1871 г.) и последующего заключения Франкфуртского мира (10 мая 1871 г.), завершившего франко-германскую войну.

* * *

Григорий Николаевич Окунев (1823—1883) по окончании курса в Петербургском университете в феврале 1846 г. был определен в Департамент внутренних сношений Министерства иностранных дел⁴.

В 1849 г., получив чин титулярного советника, он направляется младшим секретарем миссии в Рим. Там его усердие будет отмечено орденом папы Пия I и российским орденом Св. Анны 3-й степени. Поработав в миссиях при Римском и Тосканском дворах, Окунев в 1862 г. занял должность второго секретаря посольства в Париже, а в 1867 г. был повышен до первого секретаря, получив одновременно чин надворного советника. В ноябре 1869 г. он сменил подавшего в отставку В. Н. Чичерина на посту советника посольства и стал правой рукой посла графа Э. Г. Стакельберга.

После внезапной кончины от инсульта Стакельберга 11 мая 1870 г. на Окунева было возложено временное руководство дипломатической миссией до назначения нового посла.

В преемники умершего Стакельберга в Петербурге избрали барона Ф. И. Бруннова, возглавлявшего в то время посольство в Лондоне. Горчаков даже составил для него утвержденную Александром II инструкцию, но в Париж он так и не выехал из-за начавшейся в июле 1870 г. франко-прусской войны.

Так, волею обстоятельств Г. Н. Окунев остался в Париже официальным представителем России. Предыдущий, без малого десятилетний, опыт работы во Франции позволил ему глубоко проникнуть в политическую жизнь французской столицы: он приобрел здесь обширные связи как в правительственных сферах, так и в оппозиции, снискав симпатии

³ В советской и постсоветской историографии события 4 сентября 1870 г. в Париже определяются как «Сентябрьская революция 1870 г.» или «Революция 4 сентября 1870 г.». Во французской исторической литературе предпочитают избегать термина «революция» применительно к свержению Второй империи, предлагая — «Провозглашение (Третьей) Республики» (*Proclamation de la [IIIe] République*). Оценку тех событий впоследствии дали их непосредственные участники — глава правительства национальной обороны генерал Л. Ж. Трошю и его заместитель, министр иностранных дел Ж. Фавр. См.: *Trochu, général. Œuvres posthumes*. Т. 1. Tours, 1896; *Favre J. Gouvernement de la Défense nationale [du 30 juin 1870 au 28 juillet 1871]*: en 3 vol. Paris, 1871—1875. Vol. 1. Du 30 juin au 31 octobre 1870. Journée du 4 septembre, entrevue de Ferrières, organisation de la défense, délégation de Tours, journée du 31 octobre 1871.

⁴ Формулярный список Г. Н. Окунева см.: Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 159. Оп. 464. Д. 2470. Л. 5—9.

столичного общества. Поэтому его оценки и суждения относительно развернувшихся во Франции в 1870 г. событий заслуживают самого пристального внимания.

Еще 16 августа, за две недели до седанской катастрофы, на фоне неудач французской армии Окунев зафиксировал в Париже «первые признаки серьезного обострения ситуации». Уже тогда он впервые констатировал возникновение «все более очевидной угрозы для судьбы династии... В моральном отношении можно было бы сказать, что династия уже пала. Она потеряла опору не только в обществе... но и в армии. Единственно победа могла бы отсрочить падение Наполеона, точно так же как поражение — ускорить его низвержение»⁵.

Прогноз Окунева в полной мере оправдался после сдачи Седана 2 сентября 1870 г. Известие о капитуляции армии маршала П. Мак-Магона и пленении Наполеона III достигло Парижа вечером 3 сентября. В ночь на 4 сентября на фоне начавшегося в столице брожения в Бурбонском дворце было созвано экстренное заседание нижней палаты парламента. Ж. Фавр от имени 27 депутатов-республиканцев внес проект резолюции о низложении плененного императора. Обескураженные парламентарии приняли решение продолжить обсуждение во второй половине дня.

Пока бонапартисты не знали, что предпринять, республиканцы успели подготовиться, распространив по всему городу листовки с сообщением о седанской катастрофе и с требованием ликвидации монархии. К Бурбонскому дворцу устремились толпы возбужденных парижан, умело направлявшиеся противниками империи. В скором времени дворец был заблокирован, как и Тюильри, императорская резиденция, где находилась регентша — императрица Евгения.

Возобновившееся в 13 часов обсуждение проходило под нарастающим давлением толпы. В какой-то момент около 800 человек, преодолев полицейский кордон, ворвались в зал заседаний с криками: «Низложение! Да здравствует Республика!». Председателя палаты Э. Шнейдера сгоняют с его места. На трибуну стремительно поднимается Л. Гамбетта, лидер левых республиканцев. В воцарившейся тишине он объявляет: «Луи-Наполеон Бонапарт и его династия навсегда прекратили править во Франции»⁶. Толпа, приветствуя его слова, устремляется на Гревскую площадь, к зданию мэрии.

В 16 часов депутаты от департамента Сена, куда входила столица Франции, формируют Временное правительство во главе с переметнувшимся на сторону республиканцев генералом Л.Ж. Трошю, военным губернатором Парижа. Трошю, сделавший карьеру при Второй империи, в душе всегда оставался орлеанистом и поддерживал контакты с их лидером — А. Тьером.

«Революция свершилась», — так определил смысл событий 4 сентября 1870 г. Окунев⁷.

5 сентября формирование Временного правительства было завершено. Оно назвало себя «правительством национальной обороны», что должно было свидетельствовать о его намерении продолжать войну. В республиканский кабинет во главе с Л.Ж. Трошю вошли: Ж. Фавр, заместитель председателя правительства и министр иностранных дел, Л. Гамбетта (внутренние дела), генерал А.-Ш.-Э. Ле Фло (военный министр), Л.Ж.Э. Пикар (финансы), А. Кремьё (юстиция), Ж. Симон (просвещение) и другие — всего 11 министров.

В подавляющем большинстве в первом составе правительства преобладали республиканцы-левоцентристы. «Это правительство было далеко от той однородности, которой требовали обстоятельства, — отмечает французский историк. — Палитра существовавших в нем мнений — от консерватора Трошю до революционера Рошфора — была достаточно широкой. Да и сами республиканцы не представляли единого блока. Их разделяли конфликты поколений. Еще во времена Империи молодое республиканское поколение начало самоутверждаться против людей 1848 г. Впоследствии к этому добавилось личное соперничество... В сложной военной ситуации республиканцы вынуждены были

⁵ Окунев — Горчакову, 16 августа 1870 г. / Там же. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 117. Л. 221–226.

⁶ Цит. по: *Amson D. Gambetta ou le rêve brisé*. Paris, 1994. P. 178.

⁷ Окунев — Горчакову, 6 сентября 1870 г. / АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 117. Л. 293.

импровизировать, деликатно применяя силу. Это оставит глубокий след в политической жизни страны»⁸.

Ликвидация Второй империи и формирование республиканского правительства завершили однодневную Сентябрьскую революцию во Франции.

После капитуляции под Седаном шансы Франции переломить ход войны в свою пользу казались призрачными, хотя 170-тысячная Рейнская армия маршала А. Базена продолжала удерживать стратегически важную крепость Мец. Тем временем прусские войска, практически не встречая сопротивления, продвигались из Эльзаса и Лотарингии к Парижу, который 19 сентября был взят в кольцо. 23 сентября пруссаки заняли город Туль, а 17 сентября капитулировал гарнизон Страсбурга. Положение становилось угрожающим.

Большинство членов правительства, и прежде всего генерал Трошю, склонялось к тому, что война проиграна. «Когда 4 сентября в Париже я взял в свои руки дело национальной обороны, я, как военный, понимал его политическую безнадежность», — признавался впоследствии Трошю⁹. Он сделает и еще одно важное признание: «Временное правительство, сформированное 4 сентября, было для страны тем же, что правительство Ламартина 25 февраля 1848 г. Оно спасло положение, которое было безнадежным. Оно помешало демагогии взять оборону Парижа в свои руки и тем самым вызвать огромные социальные потрясения по всей Франции»¹⁰.

Из этого следует, что перспектива развития революции пугала Трошю и его коллег по правительству куда больше, чем угроза со стороны Пруссии, с которой необходимо было срочно договариваться о прекращении военных действий. Таким образом, дело национальной обороны было доверено генералу, изначально «не верившего в победу», констатировал видный французский историк конца XIX в. Г. Аното¹¹.

«Правительство национальной обороны, — отмечают современные французские историки, — оказалось перед дилеммой: намерением добиваться перемирия до восстановления порядка и законности и обязанностью власти, которую Париж возложил на него, продолжать сопротивление. Это ложное положение объясняет всю драму осады Парижа, а также вальсы-колебания генерала Трошю, который опасается не столько прусской армии, сколько “демагогии”»¹².

Сделав выбор в пользу примирения с Пруссией, правительство попыталось сохранить территориальную целостность страны, частично уже оккупированной пруссаками. Желая предотвратить угрозу окончательной утраты захваченных противником территорий на востоке страны, было решено обратиться за помощью к великим державам с призывом убедить Пруссию в необходимости немедленного прекращения военных действий на приемлемых для Франции условиях, первейшее из которых — сохранение ее территориальной целостности.

Эта ответственная миссия была возложена на ветерана французской политики 73-летнего А. Тьера, старого либерала-орлеаниста, одного из столпов Июльской монархии, а затем последовательного противника Второй империи. Во Франции вспомнили, что он был одним из 10 членов Законодательного корпуса (245 депутатов), кто 15 июля 1870 г. выступил против объявления войны Пруссии, считая, что Франция не готова к военным испытаниям. Тогда его предостерегающий голос утонул в криках воинственно настроенного парламентского большинства, а в день объявления войны (19 июля) дом «предателя» Тьера в Париже осаждала агрессивно настроенная толпа. Полиции с трудом удалось предотвратить расправу с Тьером и членами его семьи. Теперь же, в сентябре 1870 г., вчерашний «предатель» превратился в «прозорливого оракула».

⁸ Grévy J. La République des opportunistes. 1870–1885. Paris, 1998. P. 11.

⁹ Trochu, général. Op. cit. T. I. P. 332.

¹⁰ Trochu. La Politique et le siège de Paris. Paris, 1872. P. 191.

¹¹ Hanotaux G. Histoire de la France contemporaine (1871–1900). Vol. 1. Paris, 1908. P. 16.

¹² Azéma J.-P., Winock M. La IIIe République. Paris, 1976. P. 60.

В формировавшемся правительстве национальной обороны Тьеру как самому опытному политику, которого знала вся Европа, был предложен пост министра иностранных дел, но он отказался, уступив это место Фавру, не имевшему никакого опыта в международных делах¹³.

Тьер не разделял намерения той группы республиканцев во главе с Гамбеттой, что требовала продолжать войну. Он настаивал на немедленном заключении перемирия, пока пруссаки не подошли к Парижу. Счет буквально шел на дни. Именно по этой причине Тьер и согласился на деликатное поручение – попытаться убедить великие державы подержать Францию в критический для нее момент.

Миссия Тьера осложнялась тем, что пришедший 4 сентября 1870 г. к власти во Франции республиканский режим не обладал в глазах великих держав, и прежде всего Пруссии, необходимой легитимностью. В Берлине даже после капитуляции Седана продолжали считать оказавшегося в плену Наполеона III законным правителем Франции, а в Лондоне, Вене и Петербурге сомневались в устойчивости новой власти в Париже. Тьеру предстояло рассеять эти сомнения и убедить собеседников в прочности правительства национальной обороны, которое он представлял. Поэтому маршрут его дипломатического турне предполагал посещение Лондона, Петербурга, Вены и Флоренции.

Когда Тьер уже находился в Петербурге, Горчаков получил телеграфную депешу от Окунева: 19 сентября он встретился с Фавром, который сказал, что поездка Тьера по европейским столицам имеет двойную цель – внушить доверие к новому правительству в Париже и убедить великие державы оказать посреднические услуги Франции в прекращении злополучной войны с Пруссией. «Цель его (Тьера. – П. Ч.) миссии, – передавал Окунев слова Фавра, – заключается в том, чтобы представить европейским кабинетам объяснения относительно природы и временного характера правительства, подхватившего [в Париже] власть, выпавшую из рук императора Наполеона, разъяснить им намерения этого правительства и убедить их в необходимости как коллективных, так и индивидуальных усилий трех держав, чтобы склонить короля Вильгельма к тому, чтобы сохранить за Францией целостность ее территории, удовлетворившись самой широкой компенсацией за понесенные издержки, которую страна [Франция] готова заплатить ради прекращения войны»¹⁴.

Переговоры Тьера с Горчаковым не оправдали надежд почтенного парижского эмиссара¹⁵. Ему четко дали понять, что Россия, заявившая с началом франко-прусской войны о своем нейтралитете, не намеревалась брать на себя роль посредника в мирном урегулировании между Парижем и Берлином, и посоветовали правительству национальной обороны вступить в прямые переговоры с Бисмарком¹⁶.

Республиканский режим был глубоко чужд русскому самодержавию. К тому же он еще не успел доказать свою жизнеспособность. Поэтому спешить с его признанием и изъявлять готовность к оказанию ему важных политических услуг в Петербурге не торопились,

¹³ Учитывая неопытность Фавра, республиканские власти сохранили на постах в МИД Франции двух ключевых дипломатов бонапартистского режима – графа А. де Шодорди, директора кабинета министра иностранных дел, и Депреза, директора Политического департамента, ставших главными советниками Фавра. См.: Histoire de la diplomatie française / sous la dir. J.-C. Allain, P. Guillen, G.-H. Soutou, L. Theis, M. Vaïsse. Vol. II. De 1815 à nos jours. Paris, 2005. P. 143.

¹⁴ Окунев – Горчакову, 21 сентября 1870 г // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1870 г. Д. 118. Л. 26–27.

¹⁵ См. подробнее: Черкасов П. П. Миссия Адольфа Тьера в Санкт-Петербург (20–22 сентября 1870 г.) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 13. М., 2020. С. 98–111.

¹⁶ Безуспешно завершились переговоры Тьера в Лондоне, Вене и Флоренции. Никто не захотел вовлекаться в урегулирование франко-прусского конфликта, советуя напрямую договариваться с Бисмарком.

ориентируясь на тесное взаимодействие с Берлином. Нейтралитет России в начавшейся франко-прусской войне, которую российская дипломатия не смогла предотвратить, как ни старалась¹⁷, оказался благожелательным по отношению к Пруссии.

Вернувшись во Францию, Тьер получил согласие правительства на переговоры с Бисмарком.

Предыдущие переговоры Фавра с министром-президентом, состоявшиеся 19 сентября в Ферьере, окончились безрезультатно. Как ни стремилось правительство национальной обороны поскорее завершить войну, оно не было готово, хотя бы из соображений самосохранения, согласиться на территориальные уступки Пруссии. А именно на этом, прежде всего в Эльзасе и Лотарингии, настаивал Бисмарк, который недвусмысленно дал понять Фавру, что одновременно его представитель ведет переговоры с бежавшей в Англию императрицей Евгенией. В Берлине ее продолжали считать легитимной регентшей, по крайней мере, до тех пор, пока в стране не утвердится новая исполнительная и законодательная власть. А до того времени все контакты с французской стороной расценивались Бисмарком как сугубо предварительные и ни к чему не обязывающие. Подобное поведение министра-президента должно было сделать французских переговорщиков-республиканцев более сговорчивыми.

Фавр после встречи с Бисмарком вернулся ни с чем. Теперь все надежды на скорейшее окончание войны на сколько-нибудь приемлемых условиях правительство связывало с Тьером, уповая на его дипломатический опыт и международный авторитет. Но для этого, как Тьеру дали понять в Петербурге, Франция должна была доказать свою способность к сопротивлению и силой оружия склонить противника на уступки в его непомерных требованиях.

Невероятными усилиями, во многом благодаря энергии Гамбетты, правительству национальной обороны к началу октября 1870 г. удалось сформировать новую армию, в которой вместе с отрядами Национальной и Мобильной гвардии, франтирерами и гарнизонами французских крепостей насчитывалось около 1 млн человек. Этими силами, сведенными в три армии — Луарскую, Северную и Вогезскую, — предполагалось деблокировать столицу.

И в этот критический момент совсем еще слабая Французская республика получила предательский удар в спину. 28 октября 1870 г. маршал Базен, командующий заблокированной в Меце 170-тысячной Рейнской армии, капитулировал после 72-дневной осады. Убеденный бонапартист, Базен не принял провозглашенную 4 сентября республику и отказался подчиняться правительству национальной обороны. Еще в середине сентября он установил тайные контакты с принцем Карлом-Фридрихом, командующим 2-й прусской армии, осаждавшей Мец, об условиях сдачи города-крепости. Главным из них было пожелание Базена позволить его армии с полным вооружением выступить на Париж с целью восстановления свергнутой династии Бонапартов.

Опасаясь непредсказуемых действий Рейнской армии, Карл-Фридрих отказался выполнить это условие и настоял на безоговорочной капитуляции французского гарнизона. В результате самая боеспособная французская армия была нейтрализована и выведена из дальнейшей борьбы. Обстоятельства этого предательства вскроются позднее, когда маршал Базен предстанет перед военным судом¹⁸.

Непосредственным результатом сдачи Меца стало высвобождение крупных немецких соединений, которые были брошены против наспех сформированных французских армий.

Поначалу успех сопутствовал французам. 7 ноября 70-тысячная Луарская армия перешла в наступление и сумела нанести поражение 2-му Баварскому корпусу при Кульме

¹⁷ См. об этом: Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М., 2015. С. 344–354.

¹⁸ Procès du Maréchal Bazaine. Rapport. Audiences du premier conseil de guerre. Compte rendu rédigé avec l'adjonction de notes explicatives / sous la dir A. Le Faure. Paris, 1874. См. также: Semur F.-C. L'affaire Bazaine, un maréchal devant ses juges. Paris, 2009.

и даже занять Орлеан, но через месяц она была выбита оттуда после прусского контрнаступления. «В результате поражения Луарской армии под стенами Орлеана и оккупации этого города немецкими войсками армия принца Фридриха-Карла создала угрозу для Тура. [Правительственная] делегация готовится к переезду в Бордо», — сообщал Окунев¹⁹.

К концу сентября 1870 г., помимо окруженного Парижа, прусская армия контролировала департаменты Нижний Рейн и Верхний Рейн (Эльзас), Мез, Мозель, Мерт, Вогезы (Лотарингия) и Арденны, а также три департамента центрального региона Иль-де-Франс — Сена и Уаза, Сена, Сена и Марна. В октябре были захвачены провинции Орлеанэ, Турень и Пикардия; в ноябре — Франш-Конте и Нормандия, в декабре — Мен, Фландрия, Артуа, а в январе 1871 г. — Бургундия. В результате в зоне немецкой оккупации оказалось более трети французской территории с населением свыше 10 млн человек²⁰.

В январе 1871 г. французская Северная армия была разбита у Сен-Кантена (департамент Эна), а Восточная — у Бельфора (Бургундия — Франш-Конте), что усугубило и без того тяжелое положение осажденного Парижа. Начиная с 27 декабря 1870 г. французская столица подвергалась регулярному обстрелу противника из 500 тяжелых орудий. В самом городе обстановка была крайне нестабильной вследствие возникшего продовольственного кризиса и общего недовольства парижан действиями властей. Дважды — 31 октября 1870 г. (как реакция на сдачу Меца) и 22 января 1871 г. — в Париже вспыхивали стихийные восстания, что побуждало правительство к новым уступкам в продолжавшихся мирных переговорах с противником. 23 января Фавр отправился в Версаль, где обговорил с Бисмарком условия сдачи Парижа и последующего перемирия.

26 января 1871 г. после четырехмесячной осады Париж капитулировал, а два дня спустя было подписано перемирие. По условиям соглашения немцам была передана большая часть городских фортов с артиллерией и боеприпасами.

Между тем не только в Париже, но и по всей стране не утихали политические страсти, разбухшие падением бонапартистского режима и провозглашением республики.

Основные события французской политической жизни отражены в донесениях Окунева. Главными заботами правительства национальной обороны, по мнению русского дипломата, были поиски путей скорейшего прекращения войны с минимальными, хотя и неизбежными, потерями, а также стабилизация обстановки внутри страны. При этом Трошю и Фавр еще надеялись на иностранное посредничество между Парижем и Берлином. «В этот кризисный момент, — сообщал Окунев, — Франция, судя по всему, возлагает единственную надежду на благотворное посредничество императора [Александра]. Люди, находящиеся сейчас у власти, проникнуты убеждением, что только наш августейший монарх способен с пользой заступиться за побежденного...

Франция сегодня одержима только одним желанием — получить мир, сохранив целостность своей территории». Ради этого решено было пойти на крайние жертвы: «Насколько я могу судить по конфиденциальным признаниям некоторых членов Временного правительства, там расположены, в случае необходимости, отдать одну из французских колоний в случае, если бы Пруссия об этом попросила»²¹.

Одно из главных препятствий для скорого прекращения войны, по мнению Окунева, заключалось в том, что король Вильгельм продолжал считать находящегося у него в плену Наполеона законным носителем власти и поэтому отказывался от официального признания правительства национальной обороны. По этой причине мирные переговоры он может вести только с теми, кто эту войну начинал, — с императором французов или с регентшей, императрицей Евгенией. Правда, дело осложнялось тем, что оба они находились за пределами Франции и уже не контролировали ситуацию. Потому-то Вильгельм

¹⁹ Окунев — Горчакову, 11 декабря 1870 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 118. Л. 183—183 об. В середине декабря правительственная делегация переехала из Тура в более безопасный Бордо.

²⁰ Антюхина-Московченко В.И. Третья республика во Франции. 1870—1918. М., 1985. С. 41—42.

²¹ Окунев — Горчакову, 21 сентября 1870 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 118. Л. 58 об.—59 об.

и Бисмарк и согласились откликнуться на мирные инициативы Временного республиканского правительства. Однако с самого начала они оговорили два условия: во-первых, Франция должна смириться с неизбежной утратой части своих восточных территорий; во-вторых, любые договоренности будут иметь силу только после легитимации нового режима во Франции, что означало формирование там постоянной исполнительной и законодательной властей. Все это было доведено до сведения эмиссаров Временного правительства — Фавра, а затем Тьера.

Русский дипломат поинтересовался у Шодорди возможностью удовлетворения территориальных требований Пруссии как условия прекращения войны: «Он мне ответил, что если бы такое предложение было сделано, то французское правительство его рассмотрело, но он [Шодорди] не думает, что оно было бы принято»²².

Между тем в Петербурге, видя непреклонность Берлина, склонялись к выводу о неизбежности территориальных уступок со стороны Франции. На встрече с французским поверенным в делах маркизом Ж. де Габриаком в конце октября Горчаков прямо дал понять, что в сложившихся обстоятельствах достижение мира возможно только ценой уступок территориальным требованиям Пруссии²³. Подобная позиция не означала сочувствия Петербурга прусским притязаниям. Более того, Бисмарк подозревал Горчакова в защите территориальной целостности и в целом интересов Франции. Поэтому Горчаков предупреждал Окунева в его контактах с Шодорди и другими представителями Временного правительства проявлять крайнюю осторожность, не компрометируя позицию нейтралитета, которой придерживалась Россия²⁴.

В донесениях из Тура, а затем из Бордо Окунев большое внимание уделял анализу текущей внутренней обстановки во Франции. Он интересовался тем, что происходило не только в Париже, но и в провинции, которая в отдельных случаях опережала столицу. Так, Лион и Марсель раньше, чем Париж, потребовали установления в стране республики. В Лионе уже 4 сентября была провозглашена Коммуна, избравшая свои руководящие органы. Этому примеру последовал Марсель.

18 сентября 1870 г. Лион, Марсель, Гренобль и Монпелье образовали Южную Лигу в защиту Республики, которая отвергла имперскую централизацию, обнаружив автономистские и федералистские устремления. Это вызвало понятную озабоченность у правительства национальной обороны. Гамбетта поспешил осудить подобные настроения, угрожавшие целостности государства²⁵.

Другую серьезную угрозу устойчивости своей власти правительство видело в радикализации населения крупных городов. Первые тревожные сигналы последовали в конце октября 1870 г., когда практически одновременно в Париже, Марселе, Тулузе и Сент-Этьене вспыхнули рабочие восстания, которые, правда, быстро удалось подавить. Но очаги недовольства продолжали тлеть и вскоре разгорелись с новой силой (восстание 21–22 января 1871 г. в Париже), достигнув своего апогея в марте 1871 г. с провозглашением Парижской коммуны.

Все это отмечал Окунев, сообщавший о тревожных признаках дезорганизации, анархии и сепаратизма в воюющей стране с пока еще не оформившейся политической системой.

Не остались незамеченными русским дипломатом и внутренние разногласия в самом республиканском правительстве, разбавленном орлеанистами. Эти разногласия проявились с самого начала деятельности правительства: «С тех пор подобного рода симптомы проявляются все более очевидно. Комиссия, заседающая в парижской ратуше, успела

²² Окунев — Горчакову, 15 октября 1870 г. // Там же. Л. 77 об.—78.

²³ Об этом разговоре Окунева проинформировал Шодорди, получивший шифрованную телеграмму из Петербурга: Окунев — Горчакову, 31 октября 1870 г. // Там же. Л. 122.

²⁴ Горчаков подчеркивал: «Вам приписывают квази-обещания оппозиции с нашей стороны территориальной уступки, которой добивается Пруссия. Зная Вашу осторожность, я не верю в это. Однако Бисмарк жаловался на поведение наших агентов в Туре и Париже»: Горчаков — Окуневу, 14 ноября 1870 г. // Там же. Д. 119. Л. 93.

²⁵ *Démier F. La France du XIXe siècle. 1814–1914. Paris, 2000. P. 292.*

растерять всякий авторитет, и столица фактически оказалась во власти вооруженных горожан.

Сформированные в Париже батальоны Мобильной гвардии охвачены духом неподчинения и отказываются выполнять свои обязанности, что проявляется на каждом шагу. Отряды Мобильной гвардии, прибывшие в столицу из различных провинций, отличаются лучшей дисциплиной, но у них, как и у парижских гвардейцев, отсутствует необходимая подготовка. И вот этой-то плохо организованной милиции доверена оборона земляных валов, опоясывающих город.

Что касается линейных войск, деморализованных чередой неудач, то они обеспечивают защиту фортов. Таковы сомнительные ресурсы, которыми располагает генерал Трошю в противостоянии противнику, осадившему город. Говорят, что общая численность защитников [Парижа] составляет 280 тысяч человек, из которых только 60 тысяч принадлежат к линейным войскам»²⁶.

Не менее тревожная обстановка наблюдалась и в провинции. «Если в Париже Временное правительство чувствует себя неуверенно, то в провинции его власть тем более призрачна», — сообщал Окунев из Тура²⁷. «В Лионе, — писал он в тот же день, но в другой депеше, — Комитет общественного спасения поднял красный флаг над зданием ратуши и оспаривает властные полномочия у префекта, который не в состоянии положить конец анархии. В Марселе, Бордо и в других департаментских центрах правительственная администрация также дезорганизована. Если дело еще не дошло до открытых конфликтов, то это объясняется только озабоченностью общества интересами национальной обороны, которая поглощает все его мысли»²⁸.

Месяц спустя Окунев фиксирует все тот же высокий градус социальной напряженности: «Анархия сохраняется в Марселе, Лионе и Тулузе. Социалистическая партия продолжает свое разрушительное дело в трех крупных городах. Правительство не в состоянии навести порядок. Население Юга, находящееся под сильным влиянием “Интернационала” и других тайных обществ, начинает обнаруживать сепаратистские тенденции. Правительство стремится противодействовать этому всеми средствами, которые есть в его распоряжении, но до настоящего момента результаты этих усилий остаются ничтожными...

В армии и вспомогательных частях по-прежнему не хватает дисциплины, неразбериха царит в поставках вооружений и боеприпасов, а также в управлении войсками»²⁹.

Наибольшее беспокойство у русского дипломата вызывал юг Франции, где безраздельно «доминировала республиканская партия». Окунев не исключал, что именно этот район станет очагом гражданской войны. Даже Гамбетта, располагавший наибольшим из всех членов правительства влиянием на массы, как писал Окунев, не осмелился ни распустить Лионскую коммуну, ни даже заставить ее убрать красный флаг со здания ратуши, «опасаясь спровоцировать кровопролитие»³⁰.

Осознание всех этих проблем, а также потенциальная угроза национального социального взрыва толкали правительство к большей уступчивости Бисмарку, который категорично настаивал на отторжении у Франции части ее восточных территорий и выплате огромной контрибуции. Подавляющее большинство министров (сам Трошю, Фавр и др.) были настроены на скорейшее заключение мира; меньшинство во главе с Гамбеттой настаивало на продолжении борьбы до победы над врагом. Окунев даже подозревал Гамбетту в диктаторских устремлениях: «Со времени своего прибытия в Тур Гамбетта постепенно сосредоточил в своих руках все полномочия. Окруженный коллегами, которым не хватает энергии и инициативности, он сумел навязать им свой авторитет и, как представляется, стал на сегодняшний день подлинным диктатором Франции». Гамбетта,

²⁶ Окунев — Горчакову, 21 сентября 1870 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 118. Л. 41—42.

²⁷ Там же. Л. 42 об.

²⁸ Там же. Л. 42 об.— 43.

²⁹ Окунев — Горчакову, 25 октября 1870 г. // Там же. Л. 118 об.—119 об.

³⁰ Окунев — Горчакову, 12 января 1871 г. // Там же. Д. 93. Л. 25—25 об.

по определению Окунева, символизирует в Турской делегации «продвинутую демократию» (*démocratie avancée*), в отличие от своих коллег, придерживающихся более умеренных взглядов³¹.

Легитимность нового политического режима в первую очередь в глазах противника, диктующего условия прекращения войны, напрямую зависела от формирования во Франции законодательной и исполнительной властей, которые имели бы национальный мандат доверия. Только после этого молодая французская республика могла рассчитывать на заключение мирного договора, а затем и на полноценное международное признание³². Со всей очевидностью вставал вопрос о выборах Учредительного (Национального) собрания. Решение об этом Временное правительство приняло уже через три недели после своего создания. Первоначально выборы были назначены на 16 октября 1870 г., но быстрое продвижение немецких войск по французской территории побудило правительство выбрать другую дату — 2 октября. Однако вскоре стало ясно, что ни новые власти, ни страна, частично оккупированная противником, не готовы к выборам.

Обо всем этом российский поверенный в делах сообщал в Петербург. «Тяжелая миссия восстановления законности власти во Франции путем формирования постоянно действующего правительства возлагается на Учредительное собрание, выборы в которое были назначены на середину октября, но затем отсрочены... Бисмарк считает, что нынешнее правительство, лишенное законной власти, не имеет полномочий на ведение переговоров, и настаивает на необходимости как можно быстрее учредить бесспорное представительство. В обстановке царящего здесь всеобщего беспорядка неизвестно, когда Учредительное собрание смогло бы начать работу. Не ясно и то, как проводить выборы в департаментах, оккупированных врагом. Правительство, которое только что распорядилось об организации выборов, само пребывает в неведении о том, что ему делать»³³.

Намерение правительства провести парламентские выборы не было реализовано ни в октябре, ни в последующие три месяца. Дело сдвинулось только после капитуляции Парижа и подписания 28 января 1871 г. в занятом пруссаками Версале перемирия. А за 10 дней до этого, 18 января, в Зеркальной галерее Версальского дворца была провозглашена Германская империя, а прусский король Вильгельм I — ее императором.

Одно из условий перемирия предписывало Временному правительству проведение выборов в Национальное собрание до середины февраля 1871 г. Только после этого Германия соглашалась на подписание прелиминарного мирного договора, но уже с новым французским правительством, которое имело бы национальный мандат доверия. При этом победившая сторона дала проигравшей всего три недели для организации выборов. Положение осложнялось тем, что почти половина территории Франции (43 департамента) была оккупирована противником. Неизвестно было и количество беженцев, вынужденных покинуть свои дома в ходе военных действий. Кто-то из них попал в избирательные списки, но большинство — нет.

Все это означало, что никакой «избирательной кампании не будет»³⁴, а полученные на выборах результаты априори нельзя считать в полной мере достоверными. Выдвижение кандидатов в депутаты проходило в спешке, избирателям трудно и некогда было разбираться в программах претендентов на места в Национальном собрании, тем более что никто из них не выступал тогда, во всяком случае открыто, против республиканского режима. Единственно, что еще можно было понять, — призывает ли кандидат к продолжению войны или настаивает на скорейшем заключении мира. Как показали результаты

³¹ Окунев — Горчакову, 14 ноября 1870 г. // Там же. Л. 157—158 об.

³² Когда 20 января 1870 г. Шодорди проинформировал Окунева, что Габриаку поручено добиваться в Петербурге официального признания правительства национальной обороны, русский дипломат ответил, что «переходный характер» этого правительства исключает такое признание. См.: Антохина-Московченко В. И. Указ. соч. С. 55.

³³ Окунев — Горчакову, 21 сентября 1870 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 118. Л. 42—43 об.

³⁴ *Rémond R. La vie politique en France 1848—1879. Paris, 2005. P. 275.*

голосования, большинство избирателей, уставших от невзгод последних шести месяцев, хотели бы прекращения войны.

Внимательно следивший за скоротечной избирательной кампанией Окунев, сообщал: «Голосование происходило в условиях самых неблагоприятных для дела, ради которого оно было задумано». Тем не менее «оно обеспечило блестящую победу консервативной партии». Этот успех в решающей степени, по мнению Окунева, был достигнут благодаря поддержке консерваторов крестьянами-собственниками, уставшими от тягот войны и сделавшими выбор в пользу «умеренных кандидатов с пацифистскими устремлениями». Социалисты и другие радикалы были поддержаны только в крупных городах и не смогли получить большинство в собрании. Что касается бонапартисты, то их результаты были совсем скромными³⁵.

Русский дипломат правильно оценил роль крестьянства в победе консерваторов на февральских выборах в Национальное собрание. Крестьянство было одной из опор бонапартистского режима, а после его крушения стало такой же опорой для монархистов и умеренных республиканцев. Не случайно эпитет «деревенский» (*rural*) для левых республиканцев и социалистов в 1871 г. стал синонимом косности и реакционности. «Деревенское большинство позорит Францию», — заявил Г. Кремьё, руководитель Марсельской коммуны, член Первого интернационала³⁶.

Выборы, состоявшиеся 8 февраля 1871 г., принесли ожидаемую победу сторонникам мира, в подавляющем большинстве — консерваторам. Из 645 избранных депутатов от метрополии более 400 оказались явными или скрытыми монархистами — орлеанистами (214 депутатов), легитимистами (180) и бонапартистами (20). Республиканцы получили в Национальном собрании 150 мест. При этом республиканское меньшинство, как и монархическое большинство, не было сплоченным. По большей части это были умеренные республиканцы, настаивавшие на заключении мира. 40 депутатов-республиканцев придерживались более радикальных взглядов, выступая за продолжение войны. 80 депутатов-«либералов», не имевших четкой политической платформы, могли быть отнесены к левому центру; они будут постоянно лавировать между монархистами и республиканцами³⁷.

Подлинным триумфатором на выборах стал Тьер, победивший в 26 департаментах, что подтвердило его репутацию самого авторитетного политика во Франции. Поэтому ни для кого не стало сюрпризом, когда 17 февраля 1871 г. собравшийся в Туре парламент избрал Тьера «главой исполнительной власти Французской республики» до принятия новой конституции. Он сформировал коалиционное правительство, в которое вошли три монархиста-легитимиста, два монархиста-орлеаниста и два республиканца. Фавр (республиканец) сохранил в новом правительстве ключевой в тот момент пост министра иностранных дел. Ему предстояло завершить переговоры с Бисмарком и подписать окончательный мирный договор.

Стремясь сохранить единство создавшейся правоцентристской коалиции, Тьер 10 марта выступил с заявлением, в котором зафиксировал принципиальную договоренность между монархистами и республиканцами о том, что окончательное решение вопроса о политическом режиме во Франции будет принято после заключения мирного договора с Германией. Этот компромисс между двумя самыми крупными фракциями в Национальном собрании получил название «Бордоского пакта» или «Пакта Бордо» (по месту его принятия). Одновременно 10 марта был принят декрет о предстоящем переезде Национального собрания из Бордо в Версаль.

³⁵ Окунев — Горчакову, 15 февраля 1871 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 93. Л. 79–82 об.

³⁶ Цит. по: *Démier F.* Op. cit. P. 293. Г. Кремьё доводился родственником А. Кремьё. Заступничество последнего не спасло Г. Кремьё от смертного приговора: 30 ноября 1871 г. он был расстрелян в Марселе.

³⁷ См.: *Azéma J.-P., Winock M.* Op. cit. P. 66.

Как только стало известно о формировании правительства Тьера, оно было немедленно признано Англией, Австро-Венгрией и Италией. Лорд Лайонс, князь Меттерних и граф Нигра посетили Тьера и сообщили ему эту новость.

И Петербург отреагировал на избрание Тьера. Уже 17 февраля Горчаков направил «главе исполнительной власти» по телеграфу приветственное письмо, подчеркнув выдающиеся заслуги ветерана французской политики, его «гражданское мужество и настоящий патриотизм»³⁸. Посетивший Тьера с поздравлениями русский поверенный в делах, среди прочего, поинтересовался у нового главы правительства, считает он свое правительство временным или регулярным? Тьер ответил, что его правительство не может считаться временным, так как оно сформировано свободно избранным Национальным собранием, располагающим доверием нации³⁹.

21 февраля Окунев получил телеграмму Горчакова, разрешающую ему «вступить в официальные отношения с правительством, утвержденным Национальным собранием Франции». 22 февраля Окунев письменно известил Фавра о решении императора Александра II официально признать республиканскую Францию. «Прошу Вас, господин министр, быть уверенным в том, — добавил от себя русский поверенный в делах, — что я буду прилагать все усилия для установления добрых отношений между нашими правительствами, как и личных отношений между нами»⁴⁰. Официальное признание ставило в повестку дня вопрос о взаимном обмене послами между Россией и Францией⁴¹.

23 февраля в личном письме Тьер поблагодарил Горчакова за признание своего правительства. Одновременно он воспользовался случаем, чтобы посетовать на грабительские условия мира, навязываемые Бисмарком: «Представьте, от нас требуют выплаты шести миллиардов. Если к этому добавить еще три миллиарда, в которые нам обошлась нынешняя война, то речь идет о девяти миллиардах. Возможно ли найти одновременно девять миллиардов, и можно ли представить, чтобы какая-либо страна, даже богатая, была бы в состоянии выполнить такие требования? Для этого не хватило бы и совокупного кредита Европы.

Я Вас искренне прошу направить в Версаль своих представителей, если Вы не хотите, чтобы в центре Европы вновь разгорелся пожар. Если бы Франция отказывалась от всякой жертвы, Вы имели бы полное право не одобрить нас, но в нынешних условиях вся Европа должна настаивать на том, чтобы нас не подталкивали к отчаянным решениям.

Я рассчитываю на чувства, которые Вы [всегда] проявляли к Франции и ко мне лично», — завершил свое отчаянное обращение Тьер⁴².

Своего представителя-посредника Александр II и Горчаков в Версаль, разумеется, не отправили, продолжая считать, что Франция и Германия должны сами договориться об условиях мира. В то же время Петербург приложит усилия к тому, чтобы убедить Бисмарка смягчить его чрезмерные требования к побежденному противнику.

Мир любой ценой — такова была первейшая задача главы исполнительной власти. Получив мандат доверия, Тьер отправляется в Версаль, где вступает в тяжелые переговоры с Бисмарком. Весь свой талант переговорщика он употребил на то, чтобы минимизировать неизбежный ущерб для своей униженной страны. Бисмарк, ощущая себя хозяином

³⁸ Проект письма Горчакова с резолюцией Александра II «Быть по сему» см.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 47. Л. 7–8 об.

³⁹ Окунев — Горчакову, 20 февраля 1871 г. // Там же. Д. 93. Л. 90 об.—92 об.

⁴⁰ Окунев — Горчакову 22 февраля 1871 г. // Там же. Л. 100 об.

⁴¹ Габриак уже 2 марта уведомил Горчакова о назначении герцога де Ноайля послом в России. При этом он добавил, что герцог вынужден повременить с отъездом в связи со своей женитьбой. Однако назначенный посол в Петербург так и не приедет — «по состоянию здоровья». Как позднее это объяснит Фавр. Вместо него в Россию отправится дивизионный генерал Ле Фло. См.: Габриак — Горчакову 2 марта и 30 мая 1871 г. // Там же. Д. 46. Л. 8, 25.

⁴² Письмо было передано по телеграфу Габриаку, который в тот же день вручил его Горчакову. См.: Там же. Д. 47. Л. 2–5.

положения, упорствовал и не желал идти на уступки. Единственно, что удалось добиться Тьеру, так это сокращения суммы репараций с 6 до 5 млрд фр. Здесь ему помогло содействии Александра II, рекомендовавшего кайзеру не давить чрезмерно на поверженную Францию. В то же время Тьеру пришлось смириться с неизбежностью утраты Эльзаса и Восточной Лотарингии и даже согласиться на временную оккупацию германскими войсками некоторых районов Парижа. 26 февраля 1871 г. Тьер и Бисмарк подписали в Версале прелиминарный мирный договор.

Теперь Национальному собранию предстояло ратифицировать подписанное соглашение. Обсуждение этого важного вопроса состоялось 1 марта. С самого начала определился расклад сил. Против ратификации решительно высказались представители оккупированных восточных провинций — Эльзаса и Лотарингии, а также депутаты от блокированного немцами Парижа — В. Гюго, Э. Кине, Л. Блан и др. Однако число патриотов в Национальном собрании было несопоставимо с количеством депутатов-«пацифистов». Версальские прелиминарии были одобрены 546 голосами. Против — 107 депутатов, воздержались — 23. Непосредственным следствием этого голосования стала демонстративная отставка группы депутатов-патриотов — В. Гюго, Б. Малона, Ф. Пиа, А. де Рошфора и др. Еще раньше, 5 февраля, в знак протеста против сдачи Парижа и последовавшего за этим заключения перемирия из состава правительства вышел Гамбетта, главный поборник и организатор национальной обороны.

Ответом на ратификацию Национальным собранием прелиминарного мира стало патриотическое восстание в столице Франции. Поводом к вооруженному выступлению парижан стала попытка правительства в ночь на 18 марта разоружить Национальную гвардию (60 тыс. человек, 227 орудий), защищавшую Париж во время осады его пруссаками, и ввести в столице осадное положение с вытекающими из этого ограничениями свобод.

О намерении правительства Тьера разоружить Национальную гвардию Окунев сообщал Горчакову еще 9 марта. По мнению русского дипломата, вооружение, имевшееся в распоряжении Национальной гвардии, представляло «опасность для всеобщего спокойствия», поэтому правительству «надлежит, прежде всего, восстановить порядок, опасно разрушенный шестью месяцами анархии»⁴³.

Особое возмущение парижан вызвали слухи о намерении Национального собрания и правительства Тьера перенести столицу из Парижа в Версаль, куда 18 марта бежали депутаты и министры после неудачной попытки арестовать руководство Национальной гвардии. В Версале Тьер начал собирать верные правительству войска для последующего похода на Париж. «Концентрируя войска в Версале и переведя туда правительство, — докладывал Окунев, — Тьер сохранил армию и предотвратил возможность нового 24 февраля»⁴⁴. Именно благодаря этой своевременно проведенной эвакуации революция, совершившаяся в Париже, впервые оказалась не в силах свергнуть правительство и не стала революцией общенациональной»⁴⁵.

Именно тогда появилось определение «версальцы» применительно к правительству Тьера. В тот же день, 18 марта, в Париже вспыхнуло восстание. Власть в столице перешла к Центральному комитету Национальной гвардии. Над ратушей Парижа было поднято красное знамя.

Комментируя спешный отъезд депутатов и членов правительства из Парижа в Версаль под защиту германских оккупационных войск, Окунев в то же время отмечал ненадежность подразделений французской армии, имевшихся тогда в распоряжении Тьера (не более 12–15 тыс. человек): «Армия стараниями Интернационала полностью дезорганизована и деморализована, часть войск с оружием перешла на сторону восставших...

⁴³ Окунев — Горчакову, 9 марта 1871 г. // Там же. Д. 93. Л. 121–121 об.

⁴⁴ 24 февраля 1871 г. в Париже был избран временный Центральный комитет столичной Национальной гвардии.

⁴⁵ Окунев — Горчакову, 21 марта 1871 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 93. Л. 156.

Национальное собрание и правительство хотели бы действовать более энергично, но они не рискуют атаковать Париж, не будучи уверенными в своей армии»⁴⁶.

Здесь Тьер рассчитывал на содействие Германии, в частности на освобождение французских военнопленных, которыми глава правительства намеревался усилить свою армию.

26 марта в Париже состоялись выборы в Коммуну, в них приняли участие 229 тыс. избирателей из 485 тыс. зарегистрированных в столице (многие избиратели из числа состоятельных горожан покинули город, опасаясь начавшихся еще в октябре-ноябре 1870 г. беспорядков). В состав Парижской коммуны вошли 86 человек (служащие, врачи, журналисты, рабочие)⁴⁷.

В конце марта по примеру Парижа революционные коммуны были провозглашены в Лионе, Марселе, Тулузе и некоторых других городах Франции, но они продержались всего несколько дней. Парижская коммуна сформировала девять исполнительных комиссий – военную, финансовую, внешних сношений, юстиции, общественной безопасности, трудовую и др.

Любопытно, что руководство Коммуны уполномочило главу Комиссии внешних сношений П. Груссе обратиться к членам иностранного дипломатического корпуса, прибравшегося в Версаль, с призывом к их правительствам признать новую власть в Париже. Подобное обращение (ноту) получил и Окунев, которого Груссе, видимо по незнанию, именовал послом: «Господин посол, я, нижеподписавшийся, член Парижской коммуны и ее делегат по внешним сношениям, имею честь уведомить Вас о создании Коммунального правительства Парижа. Прошу Вас довести об этом до сведения Вашего правительства и пользуюсь этим случаем, чтобы выразить желание Коммуны укрепить братские связи, которые объединяют народ Парижа и русский народ»⁴⁸.

Разумеется, подобное обращение не было принято во внимание. Оно просто было проигнорировано как Окуневым, так и его коллегами по иностранному дипломатическому корпусу.

16 апреля после выхода из Коммуны 16 консервативно настроенных членов состоялись дополнительные выборы, в результате которых состав Коммуны существенно радикализировался. Неоднородный в социально-политическом отношении состав Коммуны изначально определил свойственные ей внутренние противоречия как по программным установкам, так и по вопросам стратегии и тактики. В результате нараставшего партийного размежевания в Коммуне сформировались две соперничающие фракции – якобинско-бланкистская и прудонистско-бакунинская. Первая склонялась к революционной диктатуре и террору; вторая отстаивала демократические принципы и легальные методы управления. Внутренние противоречия нашли отражение и в программе Коммуны, отличавшейся непоследовательностью.

Тем не менее путем компромиссов удалось согласовать несколько основных принципов – демократическая республика, уважение частной собственности, децентрализация государственного управления через широкую автономию общин (коммун), замена регулярной армии народным ополчением (милицией), роспуск полиции, выборность, сменяемость и отчетность чиновников, отделение церкви от государства, обязательное светское начальное образование, справедливая организация труда и т.д. Среди конкретных

⁴⁶ Окунев – Горчакову, 21 марта 1871 г. // Там же. Л. 144.

⁴⁷ Парижской коммуне посвящена обширная литература. См.: Парижская Коммуна 1871 г. / под ред. Э.А. Желубовской, А.З. Манфреда, А.И. Молока, Ф.В. Потемкина. М., 1961; *Soria G. Grande histoire de la Commune. Vol. 1–5. Paris, 1970–1971; Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О Парижской коммуне. М., 1971; Dinesen W. Paris sous la Commune. Paris, 2003; Amicabile A. La Commune de Paris. Toujours vivante! Paris, 2009; Broche H., Pivot S. La Commune démystifiée. Paris, 2012; Bidouze F. La Commune de Paris, 18 mai – 28 mai 1871. Une tragédie franco-française. Pau, 2014; Deluermoz Q. Commune(s), 1870–1871. Une traversée des mondes au XIXe siècle. Paris, 2020; Rougerie J. La Commune de 1871. Paris, 2021; Winock M., Azéma J.-P. Les Communards. Paris, 2021.*

⁴⁸ Цит. по: Антюхина-Московченко В.И. Указ. соч. С. 77.

мер, которые успела принять Коммуна в защиту малоимущих, – списание задолженности по квартирной плате, безвозмездное возвращение из ломбардов заложенных вещей, рассрочки на три года по коммерческим кредитам, ограничение ночного труда, введение минимума заработной платы.

Приняв решение о сносе Вандомской колонны как символа бонапартизма и милитаризма, Коммуна, испытывавшая острую нехватку денежных средств, не осмелилась конфисковать (национализировать) огромные (до 3 млрд фр.) резервы Французского банка. Этому воспротивились сторонники «священного права» частной собственности. Другой ее ошибкой стала пассивно-оборонительная тактика перед лицом правительства Тьера, укрывшегося в Версале.

Имея первоначальное военное преимущество перед «версальцами», Коммуна дала возможность Тьеру договориться с Бисмарком и германским военным командованием об освобождении 60 тыс. французских военнопленных, составивших основу спешно формирувавшейся «Версальской армии» во главе с маршалом Мак-Магоном. К 20-м числам мая численность этой армии была доведена до 130 тыс. человек.

Этому предшествовал конфликт между Тьером и Бисмарком из-за неспособности французского правительства покончить с Коммуной и ускорить подписание мирного договора. Бисмарк использовал это обстоятельство для усиления давления на Тьера с тем, чтобы добиться от него новых уступок. Если правительство Франции не способно само подавить Коммуну, давал понять Бисмарк, то Германия, желая «защитить свои интересы», готова направить свою армию на революционный Париж. Подобная перспектива никак не устраивала Тьера, озабоченного проблемой престижа своего правительства в глазах только что признавшей его Европы.

Поэтому Тьер решил в очередной раз обратиться за содействием к России, учитывая особые отношения Петербурга с Берлином. К тому же другие европейские державы проявляли безучастность к судьбе униженной Франции. Тьер действовал здесь по двум каналам. Он лично встретился с Окуневым, которому изложил свою обеспокоенность в отношении требований Бисмарка, а одновременно через Фавра (телеграмма от 3 мая 1871 г.), последний поручил Габриаку заручиться поддержкой Горчакова: «Мы просим у Пруссии вернуть нам наших пленных и позволить нам пройти через Сен-Дени, что дало бы нам возможность войти в Париж без штурма. Но она [Пруссия] хочет вступить туда вместе с нами и раздражается, когда мы отклоняем это предложение... Мы лояльно и энергично хотим мира и жесткого подавления восстания. Чтобы доказать нашу искренность, мы предлагаем немедленно превратить прелиминарный мир в окончательный... Вот вопросы, в которых официальное и благожелательное вмешательство России может нам помочь»⁴⁹.

Александр II счел просьбу Тьера вполне уместной. Он поручил Горчакову срочно связаться с Бисмарком и убедить его ослабить давление на Тьера, и без того находящегося в трудном положении. 4 мая Фавр выехал во Франкфурт для переговоров с германским канцлером, а 7 мая он получил зашифрованную телеграмму от Габриака из Петербурга: «Россия сделала и сделает все от нее зависящее, чтобы добиться от Пруссии предоставления вам необходимых облегчений для подавления восстания... Его Величество [Александр II] говорил в этом смысле с князем Рейсом [германским послом в Петербурге] и дал приказ своему представителю в Берлине поддержать наши просьбы»⁵⁰.

В результате российского посредничества командование германских оккупационных войск, контролировавших северные предместья французской столицы, согласилось пропустить армию Мак-Магона к городским окраинам и позволить ей взять Париж в плотное кольцо.

21 мая развернулась карательная операция по «зачистке» столицы Франции. На исходе дня 22 мая Габриак переслал Горчакову полученную из Версаля телеграмму: «Армия

⁴⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 46. Л. 18.

⁵⁰ Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 года. М.; Л., 1933. С. 131, 135, 149.

вошла в Париж. Мы контролируем район Трокадеро, площадь Триумфальной арки, Военной школы [Ecole militaire] и ряд других важных пунктов»⁵¹.

Кровопролитные уличные бои с применением артиллерии продолжались 21–28 мая, получив название «Кровавой недели». Обе стороны проявляли при этом крайнюю жестокость. Коммуна в это время привела в действие принятый еще 5 апреля в обстановке острых разногласий Декрет о заложниках, по которому за неделю было расстреляно 47 человек (по другим данным – до 100 человек), среди них – Ж. Дарбуа, архиепископ Парижский. В ходе ожесточенных уличных боев серьезно пострадали многие исторические здания в центре Парижа – Тюильри, Пале-Рояль, ратуша, Дворец правосудия, библиотека Лувра, Дворец Почетного легиона и др. В боях погибло до 7,5 тыс. коммунаров. Последним их оплотом стало кладбище Пер-Лашез, у стены которого «версальцами» были проведены показательные расстрелы. «Это грозное восстание на сегодняшний день окончательно подавлено, – сообщал Окунев. – Завершающие сражения были особенно кровопролитными. Понимая, что проигрывают, повстанцы оказывали [правительственным] войскам яростное сопротивление, неся значительные потери. Большая часть их погибла на месте. Взятые в плен были сосредоточены в квартале, прилегающем к Ратуше, и в здании театра Шатле, или расстреляны. Незначительное число пленных были отправлены в Версаль. Пока еще трудно оценить общее количество погибших мятежников, но эта цифра должна быть большой...

С позавчерашнего дня происходит разоружение парижского населения. До настоящего момента это происходит спокойно, не встречая сопротивления. Завершая этот отчет, счастлив сообщить Вашему превосходительству, что церковь Императорского посольства (храм Св. Александра Невского на ул. Дарю. – П. Ч.) не пострадала, здание полностью сохранно»⁵².

Революционные события в Париже с тревогой были встречены в официальном Петербурге, где возродились сомнения в устойчивости правительства Тьера. «Ничто не могло быть столь фатальным для дела нашей страны, как восстание в Париже, – сообщал Фавру Габриак. – ...Я знаю, что князь Горчаков был сильно обескуражен, получив эти сведения от господина Окунева. Нет никакого сомнения, что под влиянием этого связь между Пруссией и Россией станет теснее»⁵³. Подавление Парижской коммуны вернуло доверие Горчакова к правительству Тьера.

Восстание в Париже подорвало было и франкофильские настроения в великосветском петербургском обществе, где никогда не одобряли прусскую ориентацию политики Александра II и Горчакова. Поэтому там приветствовали «восстановление порядка» во Франции.

Коммуна в Париже еще держалась, когда во Франкфурте-на-Майне 10 мая 1871 г. был подписан окончательный мирный договор между Германией и Францией. Франкфуртский мир в основном повторил условия Версальского прелиминарного соглашения. Единственно, что удалось Тьеру выторговать у Бисмарка, так это сохранить за Францией небольшую территорию в районе Бельфора в восточной части страны. В остальном продиктованные Германией условия были тяжелыми и унижительными. Франция обязывалась выплатить 5-миллиардную контрибуцию (с дополнительных 3% годовых) до марта 1874 г., а также взять на себя все расходы по содержанию германских оккупационных войск, оставшихся на ее территории до полной выплаты контрибуции.

Комментируя последующую процедуру ратификации мирного договора в Национальном собрании, Окунев сообщал из Версаля: «Зачитывание министром иностранных дел текста договора происходило в глубокой тишине. И лишь одна статья (12-я)⁵⁴, касающаяся проживания германских подданных во Франции, вызвала всеобщий ропот. Эта деталь

⁵¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 46. Л. 20.

⁵² Окунев – Горчакову, 30 мая 1871 г. // Там же. Д. 93. Л. 290–291 об.

⁵³ Цит. по: Шнейерсон Л. М. Указ соч. С. 237.

⁵⁴ Статья 12-я Франкфуртского мирного договора гарантировала германским подданным, пострадавшим в ходе войны, гражданские и имущественные права во Франции, включая возвращение им реквизированных и восстановление разрушенных домов, а также компенсацию хозяйственного ущерба.

кажется мне заслуживающей внимания, потому что она выявляет всю степень национального негодования, которое война оставила в стране»⁵⁵.

События первой половины 1871 г. – избрание Национального собрания, формирование правительства Тьера, подавление Парижской коммуны и подписание Франкфуртского мира – подвели символическую черту под начальным периодом истории Третьей Французской республики. Однако наличие в Национальном собрании первого созыва монархического большинства обещало новые испытания для молодой, еще не окрепшей республики.

В это же время определилось отношение Российской империи к республиканской Франции, получившей признание официального Санкт-Петербурга, где тем не менее еще не были уверены в устойчивости республиканского строя во Франции.

Библиография / References

- Антюхина-Московченко В.И.* Третья республика во Франции. 1870–1918. М., 1985.
- Желубовская Э.А.* Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956.
- Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 года. М.; Л., 1933.
- Черкасов П.П.* Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М., 2015.
- Черкасов П.П.* Миссия Адольфа Тьера в Санкт-Петербург (20–22 сентября 1870 г.) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 13. М., 2020. С. 98–111.
- Шнеерсон Л.М.* Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-пруских и русско-французских отношений в 1867–1871 гг. Минск, 1976.
- Antukhina-Moskovchenko V.I.* Tret'ia respublika vo Frantsii [The Third Republic in France]. 1870–1918. Moskva, 1985. (In Russ.)
- Cherkasov P.P.* Aleksandr II i Napoleon III. Nesostoiavshiisia soiuz [Alexander II and Napoleon III. The failed Union] (1856–1870). Moskva, 2015. (In Russ.)
- Cherkasov P.P.* Missiia Adol'fa T'era v Sankt-Peterburg (20–22 sentiabria 1870 g.) [The mission of Adolphe Thiers to St. Petersburg (September 20–22, 1870)] // Rossiia i Frantsiia. XVIII–XX veka [Russia and France. 18th–20th centuries]. Вып. 13. Moskva, 2020. S. 98–111. (In Russ.)
- Shneerson L.M.* Franko-prusskaia voina i Rossiia. Iz istorii russko-prusskikh i russko-frantsuzskikh otoshenii v 1867–1871 gg. [The Franco-Prussian War and Russia. Russian Russian-Prussian and Russian-French relations in 1867–1871]. Minsk, 1976. (In Russ.)
- Tsarskaia diplomatia i Parizhskaia Kommuna 1871 goda [Tsarist diplomacy and the Paris Commune of 1871]. Moskva; Leningrad, 1933. (In Russ.)
- Zhelubovskaia E.A.* Krushenie Vtoroi imperii i vzniknovenie Tret'ei respubliki vo Frantsii [The collapse of the Second Empire and the emergence of the Third Republic in France]. Moskva, 1956. (In Russ.)
- Amson D.* Gambetta ou le rêve brisé. Paris, 1994.
- Azéma J.-P., Winock M.* La IIIe République. Paris, 1976.
- Démier F.* La France du XIXe siècle. 1814–1914. Paris, 2000.
- Favre J.* Gouvernement de la Défense nationale [du 30 juin 1870 au 28 juillet 1871]: en 3 vol. Paris, 1871–1875. Vol. 1. Du 30 juin au 31 octobre 1870. Journée du 4 septembre, entrevue de Ferrières, organisation de la défense, délégation de Tours, journée du 31 octobre. 1871.
- Grévy J.* La République des opportunistes. 1870–1885. Paris, 1998.
- Hanotaux G.* Histoire de la France contemporaine (1871–1900). Vol. 1. Paris, 1908.
- Rémond R.* La vie politique en France 1848–1879. Paris, 2005.
- Trochu, général.* Œuvres posthumes. T. 1. Tours, 1896.
- Trochu.* La Politique et le siège de Paris. Paris, 1872.

⁵⁵ Окунев – Горчакову, 15 мая 1871 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 93. Л. 273 об.